

акцента на «нашем поражении». «Христианство – едва ли не единственное мировоззрение на земле, – пишет А. Кураев, – которое убеждено в неизбежности своего собственного исторического поражения»⁵⁴; «свой последний, итоговый выбор человечество сделает в пользу антихриста, а не в пользу Христа»⁵⁵. Такие суждения парализуют волю у шатких в вере, сеют пораженчество и чувство безысходности, обреченности. Антихрист есть олицетворение зла. И проповеди о его неизбежном пришествии, усиленные многотиражно, суть проводники зла; они программируют такое поведение миллионов людей, которое и в самом деле может привести к реализации сумрачных человеческих видений. Может, хватит ныть?

Трагедия Беслана учит православных христиан: в годину суровых испытаний и попущений любовь ко Христу и меч предполагают друг друга. Совершенство Божие и образ Божий в душах побуждают к верности, ответственности, служению и самоотверженности. Любимое и совершенное нравственный человек оберегает и защищает словом, делом и мечом. Традиции православных святых противоположны непротивленчеству, и эти традиции призвано унаследовать в XXI веке молодое поколение православных людей России.

Гончаров С. З., Остапенко М. А.

Православная антропология и душевное здоровье

Укореняя душу в *абсолютное* основание, совершенство Божие, православная антропология дарует личности все необходимое для душевного здоровья. Здоровье, по определению ЮНЕСКО, есть телесное, психическое и социальное благополучие. Такое благополучие основывается на *гармонии* меры целого с мерами частей. Болезнь вызывается нарушением гармонии, доминированием части над целым. Болезнь - это «эгоизм» части за счет целого. Так раковая клетка убивает организм, навязчивые психические состояния разрушают целостность души, а верховенство прав человека над правами народа обессиливает народ и государство.

Душа как целое представлено в форме «я». Душевное нездоровье несоматического характера имеет психические и аксиологические основания. В психологическом плане таким основанием является нарушение чистого

⁵⁴ Кураев Андрей, диакон. О нашем поражении. Христианство на пределе истории. М., 2003. С. 11.

⁵⁵ Там же. С. 14.

единства «я». В душе возникают *многие центры-доминанты*. Они выходят из-под контроля «я»; возникает их самофокусировка в нечто самодостаточное. «Я» теряет свою самоидентификацию. Единство «я» может нарушаться сильными эмоциональными потрясениями (аффектами). Но глубинным основанием душевного нездоровья является причина *ценностного* характера – утрата личностью самого дорогого, родного и священного. *Качество того, с чем личность себя идентифицирует и во что верит, определяет степень устойчивости «я» и душевного здоровья.*

Непосредственной опорой «я» выступают родные и дорогие люди, их фотографии, образы великих людей, малая и большая Родина, родная культура, историческая память, национальные символы (герб, флаг, гимн); т.е. то, что воспринимается личностью как дорогое и сокровенное. А где сокровище наше, там и наше «я», наше «сердце». Когда утрачивается родное и сокровенное, с чем личность себя отождествляла, тогда возникает опасность эрозии ценностного самосознания и угроза душевного нездоровья. При таком нездоровье психика по-прежнему может нормально обслуживать соматические процессы: но исчезли главные ценности, смысл и цели жизни; поэтому потухла вера, иссякла воля, угасли интересы и внимание к чему-либо. В вопросе *самоидентификации проявляется вся важность различий между душевной и духовной стадиями психики*. На душевной стадии личность идентифицирует себя с ценностями и предметами *внешнего опыта*. Но то, что вне души, то преходит, его «ест тля и ржа». Материальное богатство, бытовой комфорт и карьеру можно потерять, проходит молодость, можно лишиться друзей, любимого человека и Родины. Отсюда мудрое библейское наставление: *не сотвори себе кумира из творений без Творца, не возводи относительное в абсолютное.*

Следовательно, вопрос о душевном здоровье существенно связан с тем, с чем личность идентифицирует свою «самость» и первосуть. Если она отождествляет свою самость не с внешним, а с внутренним, не с материальным, а с духовным, не с относительным, а с совершенным и абсолютным; если она, пройдя через горнило сомнений, укрепилась в актах духовного делания всем сердцем и помышлением в идеале объективно лучшем и объективно сущем, то она обрела все основания для душевного здоровья. Ибо образ Божий, с которым личность себя идентифицирует, не зависит ни от общественного строя, ни от текущей политики, ни от временной жизненной конъюнктуры. Бог есть полнота совершенств и пребывает вне пространства и времени. Если человек верен образу Божию, то и Бог верен человеку.

Идентификация с образом Божиим есть абсолютная основа душевного здоровья; вдохновенной, радостной и творческой жизни.

Только религия дает человеку абсолютные ценности и тем самым надежную основу для душевного здоровья. Поэтому все народы имеют религиозные святыни вопреки приверженцам «научного атеизма».

Душа есть посредник между телом и духом, она – «тонкое тело» духа и так же нуждается в окультуривании (улучшении), как внешнее тело человека и земельный участок в саду. Чтобы окультуривать душу, надо выйти из поля ее тяготения, не растворяться в ее состояниях и укоренить ее в наддушевное, духовное содержание – в родное и сокровенное, в совершенное и абсолютное. Такое содержание есть идеал должного совершенства, достойный духовной сущности человека и гармонизирующий подсознание и сознание. Подсознание есть сфера инстинктивных влечений, «ночных сил» души. Сознание же – надприродное образование в виде социально важных общих значений. В душе возникают противоречия между психически природным и социальным. Социальные нормы обращены к сознанию и часто репрессивны к подсознанию. Гармонизация возможна благодаря посреднику, который находится одновременно в подсознании и сознании. Таким посредником выступают воображение и любовь. Устремленные на совершенный идеал, они возвышают (сублимируют) природно-психическое до социального, натуру до культуры, инстинкт до идеала, расширяя сферу целесообразного действия инстинкта. Без идеала нет сублимации, а есть «профанация» - понижение ранга ценностей и разнуздание инстинкта. Идеал своим совершенным содержанием одухотворяет инстинкт и вовлекает могучие резервы подсознания в культурное творчество. Инстинкт же сообщает идеалу жизненную конкретность и действенность. В современных условиях банализации всей жизни, включая эротику, гармонизация психики молодых людей является весьма актуальной задачей.

Воля к совершенству захватывает все существо человека, рождает благоговение и «живое чувство ответственности» перед совершенным, благодатно питая все духовные проявления: «и совестную культуру, и художественное творчество, и глубочайшие корни его правосознания, и его национальное самосознание и его патриотическое чувство, и его государственное строительство»⁵⁶. Созревшая до волевого акта, любовь к совершенному сообщает духу энергию творчества, и дух предстает как практическая сила: «как вдохновенный труд и напряженная борьба», «как самостояние и самообладание», «как самостроительство и самоуправление»,

⁵⁶ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993. Т.1. С. 58 – 59.

как «характер». «Человеческий дух по самому существу есть самостоятельный творческий центр: центр любви и созерцания, совестная воля, субъект права, созерцающий художник, верующее сердце, Божий слуга. В этом состоит сама природа духовности, в этом – призвание и достоинство человека»⁵⁷. И вот этот автономный центр психики, в котором пульсирует дух совершенства, есть абсолютная основа душевного здоровья, которую не размоют ни внешние житейские бури, ни психические аффекты, ни современные сирены вседозволенности. Такой душе не грозит «многоцентрие», ибо она своей духовной вершиной соединена незримой пуповиной с абсолютным центром всего сущего и всякой жизни – с совершенством Божиим.

Здор А.В.

*Православная аскетика о соотношении нравственного совершенствования
и мистического опыта в подвиге молитвы*

В святоотеческих творениях большое место уделено выяснению значения нравственного совершенствования для мистики. Согласно православной традиции, “истинное мистическое “ведение” дается только по мере возрастания в “добром житии””. [1, 21] “Аскеза, лишенная любви, не приближает к Богу”, - обобщает святоотеческий опыт современный автор. [2,115] Мистическое богопознание находится в неразрывной связи с нравственным подвигом, с соблюдением заповедей и возрастанием в евангельских добродетелях. Соединение с Богом не может осуществляться помимо молитвы, потому что “в молитве человек лично встречается с Богом, он знает Его и любит Его. В аскетике Восточной Церкви знание (гнозис) и любовь тесно связаны друг с другом”. [3,156]

В отечественной аскетической литературе проблема связи нравственного совершенствования и мистического опыта в молитвенном делании подробно рассмотрена свт. Игнатием (Брянчаниновым). Свт. Игнатий указывает, что предназначение молитвы состоит в том, чтобы служить путем к Богу и тем самым причащением жизни. [4,152] Как средство и состояние общения человека с Богом – источником всех благ, молитва есть мать и глава всех добродетелей. Основание молитвы заключается в том, что человек – существо падшее: он

---

⁵⁷ Там же. С.59.